
Вопросы уголовного, уголовно-исполнительного права и криминологии

Научная статья

Научная специальность

5.1.4 «Уголовно-правовые науки»

УДК 343(470)(091)

DOI <https://doi.org/10.26516/2071-8136.2024.4.91>

ИНСТИТУТ СОВМЕСТНОГО СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ В ТРУДАХ РУССКИХ КРИМИНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX ВЕКА

© Георгиевский Э. В., Кравцов Р. В., 2024

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Рассматриваются точки зрения русских дореволюционных ученых на институт совместного совершения преступления в начале XX в. Отмечается, что в этот период времени не только выходят работы, которые носят общий комментаторский характер или включают в себя попытки сравнительного анализа с последующей выработкой собственной оригинальной точки зрения на институт, но и появляются произведения, в которых институт совместного совершения преступления рассматривается несколько с иных позиций. Такое исследование осуществляется с исторической, криминологической, пенитенциарной, уголовно-социологической и уголовно-статистической точек зрения. Исследуется институт совместного совершения в аспекте Особенной части уголовного права применительно к отдельным видам преступлений. Подвергаются анализу также отдельные вопросы института совместного совершения преступления, причем это начинает осуществляться на монографическом уровне. Сделан вывод о том, что в последние годы существования Российской империи наука уголовного права России находилась на очень высоком уровне. Отмечается, что институт совместного совершения преступления исследуется не только в аспекте различных теоретических подходов, но и с точки зрения различных смежных наук, что, в свою очередь, свидетельствует о достаточно глубокой его разработке и интеграции в широкие сферы правовой действительности.

Ключевые слова: совместное совершение преступления, соучастие, подстрекательство, подлог, Д. А. Дриль, М. Н. Гернет, Э. Я. Немировский, П. П. Пусторослев, И. Я. Хейфец.

THE INSTITUTE OF JOINT THE COMMISSION OF A CRIME IN THE WRITINGS OF RUSSIANS CRIMINOLOGISTS OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

© Georgievsky E. V., Kravtsov R. V., 2024

Irkutsk State University, Irkutsk, Russian Federation

This article examines the points of view of Russian pre-revolutionary scientists on the institution of joint commission of crime in the early twentieth century. During this period of time, not only works are published that are of a general commentatorial nature or include attempts at comparative analysis with the subsequent development of their own original point of view on the institution, but also works appear in which the institution of joint commission of a crime is considered from a slightly different perspective. Such research is carried out from the historical, criminological, penitentiary, criminal-sociological and criminal-statistical points of view. The institute of joint commission and the aspect of a special part of criminal law, in relation to certain types of crimes, is being investigated. Separate issues of the institution of joint commission of a crime are also being analyzed, and this is beginning to be implemented at the monographic level. The authors conclude that in recent years there has been.

Keywords: joint commission of a crime, complicity, incitement, forgery, D. A. Drill, M. N. Gernet, E. Ya. Nemirovsky, P. P. Pustoroslev, I. Ya. Heifets.

Начало XX в. в России ознаменовалось выходом целого ряда исследований, посвященных институту совместного совершения преступления. И вот что в этой связи представляется интересным, большая часть из них не носит общего обзорного характера, как это

было во второй половине XIX в., а либо посвящены отдельным частным вопросам института совместного совершения преступления, либо рассматриваются в аспекте иных, криминологических, уголовно-социологических, исторических проблем либо в аспекте исследования

отдельных видов преступлений или наказуемости соучастия. Однако даже общие работы в буквальном смысле слова изобилуют сравнительно-правовыми подходами, представляя собой попытки выработать компромиссные точки зрения на институт совместного совершения преступления.

В историко-догматическом исследовании, посвященном подлогу и опубликованном в 1900 г., А. А. Жижиленко, рассматривая историю римского права, отмечает, что как соучастие в подлоге рассматривалось пользование подложным указом [4, с. 45]. При этом все соучастники, согласно положениям римского права, были поставлены в равное положение с главными виновниками. Особенно это касалось подстрекателей. Как пособники рассматривались лица, прикладывающие свои печати к подложным документам. Прикосновенность также рассматривалась как соучастие [Там же, с. 54]. Во французском праве, в ряде законодательных актов к главным виновным – нотариусам и писцам в вопросах наказуемости приравниваются и другие соучастники [Там же, с. 165]. Однако, если соучастниками подобных преступлений являлись частные лица, они признавались лишь пособниками, так как по общему положению сами, без помощи должностных лиц, они преступление совершить бы не смогли [Там же, с. 173].

Анализируя Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., А. А. Жижиленко останавливается на нескольких частных, но очень сложных вопросах института соучастия, которые продолжают оставаться трудноразрешимыми и в современном уголовном праве. К случаям посредственного причинения ученый относит ситуацию, при которой лицо, составляющее официальный документ, введено в заблуждение относительно истинности сведений, которые удостоверяются [Там же, с. 718]. В то же время исследователь рассуждает о ситуации, когда частное и должностное лица могли бы быть соучастниками преступления, совместно совершая должностной подлог. Но современное исследователю законодательство не предусматривает подобных ситуаций. «Строить соучастие... на основании общих положений представляется невозможным, – утверждает А. А. Жижиленко, – так как, хотя и должностное лицо и частное нарушают, по-видимому, одну и ту же норму, но деяние их носит неодинаковое выражение, так что общие правила о соучастии здесь неприменимы» [Там же, с. 724]. Иными словами, ученый отмечает проблему невозмож-

ности соисполнительства (совиновничества) при совершении преступления одновременно общим и специальным субъектом, что, как мы уже отметили, продолжает оставаться на острие научной полемики и сегодня.

С. П. Мокринский, применительно к своей работе, посвященной наказанию, его целям и предположениям, обосновывает наказуемость соучастников. Так, в частности, им рассматриваются вопросы добровольного отказа от совершения преступления. Непривлечение к уголовной ответственности соучастника, который добровольно отказался от доведения преступления до конца, по мнению ученого, является своеобразной «премией». «По отношению к соучастнику, – пишет исследователь, – такая льгота целесообразна в особенности: тому, кто идет на преступление в одиночку, достаточно остановиться или принять самые элементарные меры предупреждения, и, по общему правилу, отпадение вредного последствия можно считать обеспеченным. Не так легко предупредить преступление, выполняемое коллективными силами. Здесь мало остановиться самому, необходимо успеть и вместе суметь остановить товарищей, быть может, выдержать не только нравственную, но и физическую борьбу, шансы которой всегда сомнительны. Если бы по закону только действительное предупреждение преступления освобождало от наказания, едва ли бы можно было бы рассчитывать на ревностную поддержку и содействие со стороны раскаявшегося соучастника» [6, с. 280].

В вышедшей в 1912 г. фундаментальной работе о преступности и мерах борьбы с ней Д. А. Дриль рассматривает, среди прочего, позицию классической школы уголовного права относительно совместного совершения преступления, к которой, нужно отметить, относится достаточно скептически. Будучи в большей степени социологом в области уголовного права, ученый пишет, что учение о соучастии, изобилующее отдельными теориями, поражает своей схоластичностью и «оттеняет полную несостоятельность руководящих положений классической школы» [3, с. 153]. Далее Д. А. Дриль констатирует наличие семи видов соучастия, выделяемых по различным основаниям: 1) необходимое; 2) факультативное; 3) предшествующее совершению преступления; 4) сопутствующее совершению преступления; 5) различающееся по формам вины (предумышленное, неосторожное и случайное); 6) по предварительному сговору (сговор, шайка

или банда); 7) без предварительного сговора (скоп) [3, с. 153].

Рассуждая о видах соучастников и их наказуемости, Д. А. Дриль выделяет, прежде всего, главных физических и интеллектуальных виновников, а также физических и интеллектуальных пособников. Мера наказания пособникам целиком и полностью зависит от объема совершенных преступных действий главными виновниками. И именно этот, в общем-то совершенно механистический, подход ученый считает слабым звеном в классической концепции соучастия. «Есть ли надобность говорить, – пишет исследователь, – что воззрение, унаследованное от глубокой седой старины, когда добывавшему выкуп вреда от врага-чужеродца до внутренней стороны преступления, которая составляет его душу, не было никакого дела, выступает здесь во всей своей силе и неприкосновенности» [Там же, с. 155].

Рассматривает соучастие в преступлении не как отдельный институт, а как институт, сопутствующий институту преступления, М. Н. Гернет. И этому есть определенное объяснение. Будучи сторонником воззрений на соучастие представителей социологической школы уголовного права, ученый считает, что представители классического направления очень много внимания уделяют казуистике – бесконечному выяснению вопросов, связанных с возможными формами соучастия, значением предварительного соглашения, возможности существования умысла и неосторожности в соучастии, индивидуализации наказуемости соучастников и т. п. Сам же М. Н. Гернет соглашается с позицией И. Я. Фойницкого, полагая, что все это излишне. И считает, что на первое место должен выдвигаться субъективный момент, к соучастию должны применяться все общие теоретические положения уголовного права без каких-либо изъятий, а само соучастие как законодательный институт должно быть исключено из уголовных законов [2, с. 180–190]. Само соучастие М. Н. Гернет определяет как обусловление преступного результата деятельностью нескольких лиц при той или иной форме их вины. Исходя из анализа данной дефиниции, становится понятно, что исследователь допускает соучастие при любой форме вины и сочетании различных комбинаций виновности [Там же, с. 190]. Выделяет также М. Н. Гернет и виды прикосновенности, к которым, в общем традиционно, относит укрывательство, попустительство и недонесение [Там же, с. 192].

Помимо прочего, М. Н. Гернет отмечает рост в первой четверти XIX в. преступлений, совершаемых в соучастии. Связывается это, по мнению М. Н. Гернета, не только с ростом капиталистических отношений, но и с тем, что преступность начинает становится профессией, а преступники-профессионалы начинают образовывать организации специально для совершения преступлений [Там же, с. 189].

П. П. Пусторослев также достаточно жестко критикует господствующую классическую позицию в отношении института соучастия. Господствующую классическую позицию ученый считает слишком узкой и непрагматичной, а также научно необоснованной [8, с. 424]. Пытаясь формулировать собственное понятие соучастия, ученый обращает внимание на необходимость более широкого определения. Соучастием должно быть не виновное содействие, а виновное, т. е. умышленное или неосторожное, способствование нескольких или многих лиц внешним действием или бездействием осуществлению внешней составной части преступного деяния [Там же, с. 428].

Справедливости ради необходимо отметить, что П. П. Пусторослев не жалуется также и на позицию социологической школы уголовного права в отношении института соучастия. Отвечая своим оппонентам – в данном случае И. Я. Фойницкому и В. В. Есипову, – П. П. Пусторослев пишет: «Что у соучастников преступления нет ни одинакового состояния преступности, ни одинаковой виновности; что каждый из них имеет своеобразное состояние преступности и своеобразную виновность, это – совершенно верно. Но отсюда вовсе не вытекает логически, будто каждый соучастник преступления не участвует вместе с другими в учинении одного и того же преступления, а учиняет свое преступление. Напротив, из этих верных положений можно логически сделать только то заключение, что наказание каждого из соучастников преступления не должно быть одинаково, но должно быть соразмерно со значительными индивидуальными особенностями виновности данного лица» [Там же, с. 428].

Соучастие разделяется, согласно точке зрения П. П. Пусторослева, по различным основаниям на три вида: по различию состава уголовных правонарушений (возможное и необходимое соучастие); по роду виновности соучастников (соучастие умышленных соучастников, соучастие неосторожных соучастников и соучастие умышленных соучастников с участниками неосторожными); по различию поведе-

ния соучастников (виновничество и совиновничество, пособничество и подстрекательство) [8, с. 429–434]. Собственно, именно в рамках одного из видов соучастия ученым рассматриваются и виды соучастников.

Очень интересный подход в своей работе П. П. Пусторослев осуществляет по отношению к прикосновенности к преступлению. По мнению ученого, понятие прикосновенности включает в себя три рода явлений, которые нельзя путать между собой. Первый род прикосновенности – это преступные проявления невоспрепятствования осуществлению уголовного правонарушения, которое, в свою очередь, подразделяется на попустительство уголовному правонарушению и недонесение о предстоящем уголовном правонарушении. Второй род прикосновенности – это недонесение о совершенном преступлении и его совершителе и укрывательство совершенного преступления и его совершителя. К третьему виду прикосновенности относится преступное содействие преступной наживе [Там же, с. 511–523].

Рассматривался институт совместного совершения преступления и в исследованиях о совершении массовых преступлений. Но если, например, в своей работе Л. М. Зайцев уделяет внимание не собственно институту соучастия, а только лишь психологическим особенностям совершения преступления под воздействием толпы и особенностям его наказуемости [5], то Д. Д. Безсонов четко понимает, что, наряду с социальным, историческим и психологическим аспектом исследования, необходимо учитывать и юридический аспект.

По мнению Д. Д. Безсонова, который поддерживал господствующую точку зрения, основным моментом соучастия является соглашение, которое может быть выражено как прямо, так и косвенно, путем договоренности или совершения таких действий, которые бы свидетельствовали о согласии лица принять участие в преступлении. Рассуждая далее, исследователь проводит связь между соглашением и умышленной формой вины, которая подпитывает такое соглашение. Кроме того, умышленность соглашения приводит к общности умысла всех участников, а последнее – к общности вины в целом [1, с. 181–182].

В 1914 г. И. Я. Хейфец пишет монографию, посвященную подстрекательству к преступлению. В начале своего исследования ученый определяет концептуальный подход к исследованию. Он совершенно справедливо полагает,

что поскольку подстрекательство является неотъемлемой частью общего понятия соучастия, то и подход к нему является неоднозначным среди представителей различных концепций соучастия. Однако ни акцессорному подходу к соучастию, ни теории необходимого участия сам ученый предпочтения не отдает. Он склоняется к положениям о подстрекательстве, выработанным так называемой промежуточной (средней) теорией. Подстрекатель не является ни участником в чужой вине (господствующий взгляд), ни самостоятельным исполнителем преступления (теория необходимого участия). В соответствии со средней теорией подстрекательство рассматривается как «особая форма совершения деликта через другое лицо» [10, с. 15]. То есть, с одной стороны, подстрекатель все-таки совершает преступление, и вследствие «психической казуальности своей деятельности он самостоятельный виновник», но, с другой стороны, центр тяжести подстрекательства лежит не в факте склонения другого лица, а в выполняемом через другое лицо преступном деянии [Там же, с. 16].

Определяя конструкцию подстрекательства, И. Я. Хейфец определяет следующие основные положения. Во-первых, подстрекательство возможно к любой деятельности соучастия – к исполнению, пособничеству и самому подстрекательству. Во-вторых, подстрекательство должно быть наказуемо независимо от того, к преступлению какой категории оно осуществляется. В-третьих, возможно соучастие в самом подстрекательстве. Например, несколько лиц одновременно могут подстрекать лицо к совершению преступления. В этом случае они должны рассматриваться как подстрекатели. Здесь автор называет их «совиновниками совершения преступного деяния через другое лицо». В рамках соучастия в подстрекательстве должно рассматриваться и подстрекательство к подстрекательству. А вот пособничество в подстрекательстве должно рассматриваться как пособничество в совершении того преступления, к которому осуществляется подстрекательство [Там же, с. 17]. Кроме того, подстрекатель может склонять нескольких лиц одновременно к совершению одного и того же преступления.

Далее И. Я. Хейфец достаточно четко проводит различие между подстрекательством и интеллектуальным пособничеством, отмечая, что пособник воздействует психологически на исполнителя, который уже решил на совершение преступления к тому времени [Там же, с. 28]. Отличает исследователь действия под-

стрекателя от действий посредственного причинителя. Говоря же о совокупности соучастнических ролей, которые может нести подстрекатель, И. Я. Хейфец рассуждает следующим образом. Во-первых, если подстрекатель является одновременно еще и пособником, то окончательно он должен рассматриваться как подстрекатель. Современная доктрина соучастия стоит на тех же позициях, полагая, что степень общественной опасности подстрекателя выше, чем степень общественной опасности пособника. Если же подстрекатель одновременно является соисполнителем (совиновником), то здесь при изначальной правильности вывода – должен отвечать только как соисполнитель, интересными представляются рассуждения ученого. «Всякий единичный деятель, – рассуждает И. Я. Хейфец, – есть и интеллектуальный виновник и физический – он сам себя определяет на преступление и сам его выполняет – и мы его судим как виновника совершения деликта. Сущность подстрекательства, как мы уже неоднократно указали, это совершение деликта через другое лицо. Поэтому, если подстрекатель является еще и совиновником при выполнении преступного деяния, то этим он превращается в виновника деликта, выполняющего и интеллектуальную и физическую часть преступления» [10, с. 33–34].

Своеобразный итог теориям соучастия в русском дореволюционном уголовном праве в 1917 г. подводит Э. Я. Немировский. Соучастие, по мнению, Э. Я. Немировского, это ситуации, когда все, совершившие одно преступное деяние, действовали умышленно и со знанием о присоединяющейся деятельности каждого из них. При этом среди действующих в соучастии лиц различают исполнителей и соисполнителей (совиновников), т. е. тех, кто выполнил преступное деяние; пособников – тех, кто помогал совершению преступления; подстрекателей – тех, кто склонил к совершению преступления. Почти сразу же Э. Я. Немировский отмечает в своей работе, что среди исследователей нет единства мнений, кого считать соучастниками преступления – только сложных соучастников (подстрекателей и пособников) или же в том числе и исполнителей (соисполнителей) [7, с. 579].

Э. Я. Немировский не согласен с господствующей теорией соучастия, в которой наиболее часто упоминаемым исследователем является Н. С. Таганцев. «Господствующая доктрина, – пишет исследователь, – действительно построена на ложных основаниях: соучастники оказываются ответственными за преступный резуль-

тат, которого они не причинили, караются, как участники чужой вины, в силу одного субъективного отношения к деликту исполнителя, в силу солидарной ответственности, уместной в области гражданского права, тогда как уголовная вина должна быть индивидуальная...» [Там же, с. 584]. Подобный теоретический подход Э. Я. Немировский именует «крайней акцессорностью» [Там же, с. 581].

Не принимает также полностью Э. Я. Немировский и позицию сторонников теории необходимого участия, особенно в интерпретации И. Я. Фойницкого, полагая, что последний, например, необоснованно занижает степень общественной опасности в совершении преступления такого участника, как пособник. При этом собственную позицию по поводу ответственности пособника Э. Я. Немировский выражает следующим образом. Пособник – это только лицо, оказывающее содействие исполнителю при подготовке к совершению преступления. Любые действия по оказанию помощи лицу, непосредственно приступившему к выполнению объективной стороны, должны расцениваться как действия соисполнительские (совиновнические) [Там же, с. 610].

Собственно, придание особой значимости фигуре пособника, которое осуществляет Э. Я. Немировский, расширяет юридические пределы этой фигуры. То же самое необходимо сказать и о подстрекателе преступления, деятельность которого Э. Я. Немировский в большей степени интерпретирует как деятельность самостоятельного преступника, не имеющего никакого отношения к соучастникам. Вот что по этому поводу пишет Т. Л. Сергеева: «Немировский заявлял, что попустительство есть пособничество путем бездействия, недонесение есть только один из видов попустительства, а следовательно, является также пособничеством путем бездействия. Наконец, укрывательство является совершенно особым деликтом, не тождественным с предшествующим ему ранее деликтом, а потому является не особым и не придаточным, а самостоятельным деликтом» [9, с. 26].

Отмечает Э. Я. Немировский и наличие иных теорий, получивших распространение в науке уголовного права. Так, например, немецкими исследователями Мейером, Беллингом и Биндингом обосновывалась теория ограниченной акцессорности, когда институт соучастия признавался как необходимый, но в случае отсутствия деликтоспособного «исполнителя» ответственность иных соучастников обосновывается

не с точки зрения общности вины, а по факту участия в совершении «объективно-преступного деяния» [7, с. 583].

К началу XX в. определилось два основных подхода в теории уголовного права на предмет совместного совершения преступления. Господствующая точка зрения, т. е. поддержанная большинством исследователей, старейшая и во многом принятая законодателем, предполагала приверженность ее сторонников основным положениям аксессуарной природы соучастия. Противники господствующего направления придерживались теории самостоятельной ответственности, отвергая зависимость деятельности иных соучастников от юридически значимого поведения исполнителя преступления. Именно в указанный период это разделение становится наиболее очевидным и видимым. Но именно в это же время начинают появляться аналитические работы с доминирующим компаративистским методом исследования, завершение которых венчалось, как правило, собственной, достаточно часто индивидуальной позицией. Именно в этот период начинают осуществляться на монографическом уровне исследования отдельных вопросов института совместного совершения преступления. Продолжается применение русскими дореволюционными исследователями конкретно-исторического метода исследования, при котором современная авторам терминология, законодательные конструкции и теоретические положения применяются к законодательным актам прошлого.

В результате этой кропотливой работы выкристаллизовывается теоретическое положение, в соответствии с которым не все авторы считают исполнителя соучастником преступления. Фиксируется позиция, утверждающая, что соучастие – это совместное умышленное участие нескольких лиц в совершении одного и того же преступления. Расширяется понятие «сговор» путем ухода от исключительно вербального восприятия. Институт совместного совершения преступления изучается уже не только исключительно с догматических позиций, но также осуществляется его статистический, уголовно-социологический и криминологический анализ, выявляется его криминологическая подоплека. Более того, сам институт совместного совершения преступления более не рассматривается исключительно как самостоятельное, оторванное и от действительности, и от иных уголовно-правовых ин-

ститутов явление. Он становится институтом «осложненной преступности», институтом, со-
 путствующим институту преступления.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Безсонов Д. Д. Массовые преступления в общем и военно-уголовном праве. Дис. на тему, утв. Конф. Александр. воен.-юрид. акад. Санкт-Петербург : Типо-лит. К. Л. Пентковского, 1907. 480 с.
2. Гернет М. Н. Уголовное право. Часть общая. Лекции, читанные в Народном Университете. Херсон : Изд. Н. А. Ходушина, 1913. 202 с.
3. Дриль Д. А. Учение о преступности и мерах борьбы с нею. СПб. : Шиповникъ, 1912. 568 с.
4. Жижиленко А. А. Подлог документов. Историко-догматическое исследование. СПб. : Невская тип., 1900. 746 с.
5. Зайцев Л. М. Ответственность при массовых преступлениях. Киев : Тип. «Петр Барский», 1909. 55 с.
6. Мокринский С. П. Наказание, его цели и предположения. Ч. 2. Значение результата. Томск : Тов-во «Печатня С. П. Яковлева», 1902. 291 с.
7. Немировский Э. Я. Основные начала уголовного права. Одесса : Тип. «Техник», 1917. 644 с.
8. Пусторослев П. П. Русское уголовное право. Общая часть. Вып. 1. Юрьев : Тип. К. Маттисена, 1912. 535 с.
9. Сергеева Т. Л. Учение о соучастии в трудах русских дореволюционных криминалистов // Lex Russica (Научные труды МГЮА). 2010. № 1. С. 22–52.
10. Хейфец И. Я. Подстрекательство к преступлению. М. : Изд-во юрид. кн. магазина «Правоведение» И. К. Голубева, 1914. 128 с.

REFERENCES

1. Bezsonov D.D. *Massovye prestupleniya v obshchem i voenno-ugolovnom prave. Dis. na temu, utv. Konf. Aleksandr. voen.-yurid. akad.* [Mass crimes in general and military criminal law. Dis. on the topic, approved. Conf. Alexander. military-legal academy]. Saint Petersburg, Typo-lit. K.L. Pentkovsky, 1907, 480 p. (in Russian)
2. Gernet M.N. *Ugolovnoe pravo. CHast obshchaya. Lekcii, chitannye v Narodnom Universitete* [Criminal law. General part. Lectures given at the People's University]. Kherson, Publishing house N. A. Khodushin, 1913, 202 p. (in Russian)
3. Dril D.A. *Uchenie o prestupnosti i merah borby s neyu* [Education on crime and measures to combat it]. Saint Petersburg, Publ. house "Shipovnik", 1912, 568 p. (in Russian)
4. Zhizhilenko A.A. *Podlog dokumentov. Istoriko-dogmaticheskoe issledovanie* [Forgery of documents. Historical and dogmatic study. Saint Petersburg, Nevskaya printing house], 1900, 746 p. (in Russian)
5. Zaitsev L.M. *Otvetstvennost pri massovyh prestupleniyah* [Responsibility for Mass Criminals]. Kyiv, Petr Barsky Printing House, 1909, 55 p. (in Russian)
6. Mokrinsky S.P. *Nakazanie, ego celi i predpolozheniya. CHast 2. Znachenie rezultata* [Punishment, Its Goals and the Government. Part 2. The Significance of the Result]. Tomsk, S.P. Yakovlev Printing House, 1902, 291 p. (in Russian)
7. Nemirovsky E.Ya. *Osnovnye nachala ugolovnogo prava* [Basic Principles of Criminal Law]. Odessa, Tekhnik Printing House, 1917, 644 p. (in Russian)
8. Pustoroslev P.P. *Russkoe ugolovnoe pravo. Obshchaya chast. Vyp. 1* [Russian Criminal Law. General Part. Iss. 1]. Yuryev, K. Matthesen Printing House, 1912, 535 p. (in Russian)
9. Sergeeva T.L. *Uchenie o souchastii v trudah russkih dorevolyuci-onnyh kriminalistov* [Teaching about Complicity in the Works of Russian Pre-Revolutionary Criminalists]. *Lex Russica (Nauchnye trudy MGYUA)* [Lex Russica], 2010, no. 1, pp. 22-52. (in Russian)
10. Kheifets I. Ya. *Podstrekatel'stvo k prestupleniyu* [Incitement to Crime]. Moscow, Publishing house of the legal bookstore "Pravovedenie" I.K. Golubeva, 1914, 128 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 03.07.2024; одобрена после рецензирования 06.09.2024; принята к публикации 13.11.2024.

Received on 03.07.2024; approved on 06.09.2024; accepted for publication on 13.11.2024.

Георгиевский Эдуард Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), РИНЦ AuthorID: 525295, ResearcherID: ABE-9081-2021, ORCID: 0000-0001-8811-937X, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Georgievskiy Eduard Viktorovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), RSCI AuthorID: 525295, ResearcherID: ABE-9081-2021, ORCID: 0000-0001-8811-937X, e-mail: georgcrime@yandex.ru

Кравцов Роман Владимирович – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права, Юридический институт, Иркутский государственный университет (Россия, 664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1), РИНЦ AuthorID: 355169, ORCID: 0000-0001-5597-269X, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Kravtsov Roman Vladimirovich – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law, Law Institute, Irkutsk State University (1, K. Marx st., Irkutsk, 664003, Russian Federation), RSCI AuthorID: 355169, ORCID: 0000-0001-5597-269X, e-mail: kravtsov.r.v@gmail.com

Вклад авторов

Георгиевский Эдуард Викторович – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, работа с нормативными актами и методическими материалами, редактирование статьи (внесение замечаний интеллектуального содержания), написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.

Кравцов Роман Владимирович – концепция исследования (формирование идеи, формулировка ключевых целей и задач), сбор и обработка материала, статистическая обработка данных, работа с нормативными актами и методическими материалами, редактирование статьи (внесение замечаний интеллектуального содержания), написание текста (обсуждение результатов и выводы), утверждение окончательного варианта статьи.